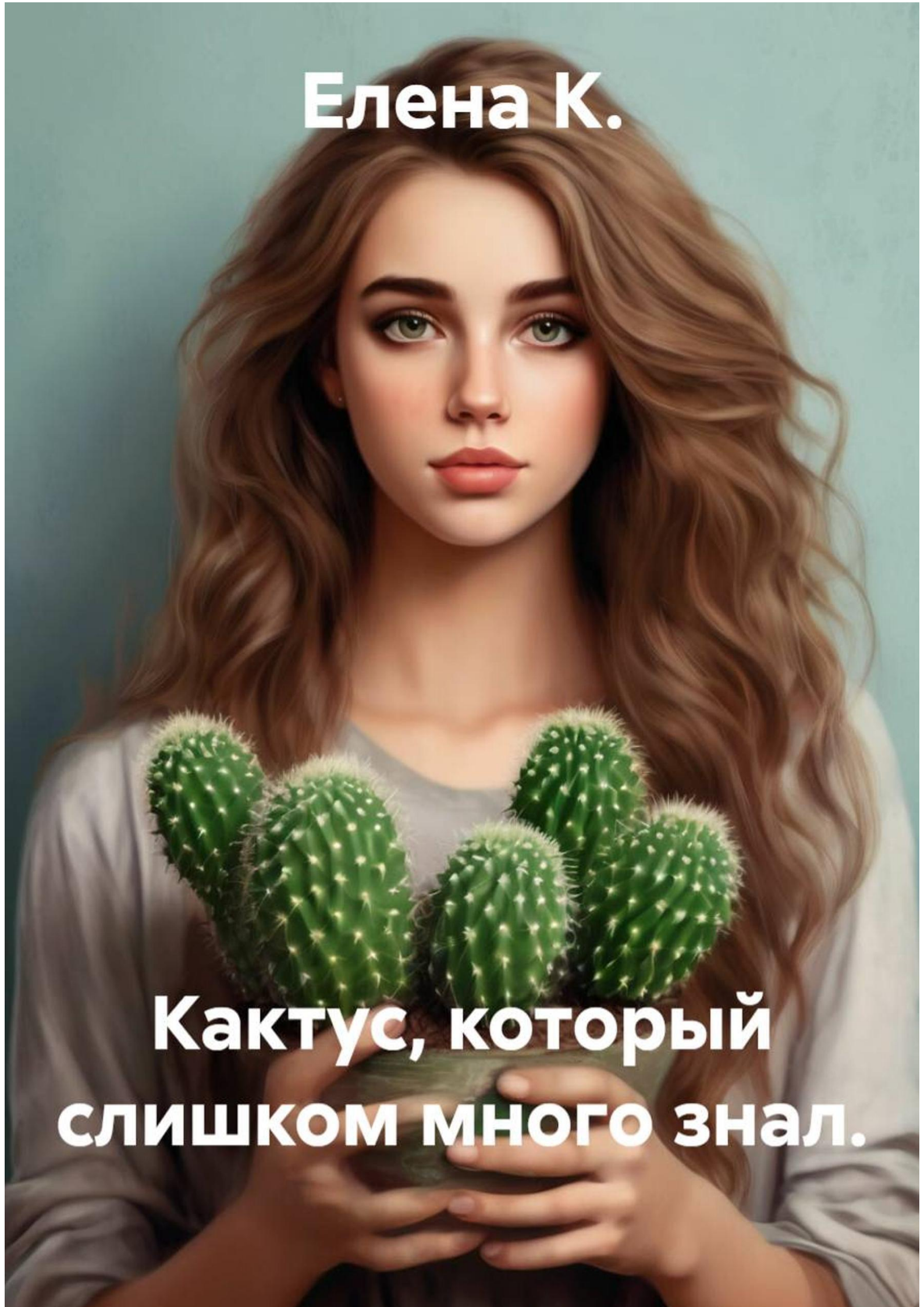

A woman with long, wavy brown hair and green eyes is holding a small potted cactus. The cactus has several green, ribbed segments with small white spines. She is wearing a light-colored top. The background is a soft, light blue.

Елена К.

**Кактус, который
слишком много знал.**

Елена К.

**Кактус, который
слишком много знал.**

«Автор»

2026

К. Е.

Кактус, который слишком много знал. / Е. К. — «Автор», 2026

«Изумрудный берег: когда дом — не просто стены, а семья. Елена, Лариса, дядя Витя и их команда знают: за красивыми отчётами и «плановыми проверками» может скрываться чья-то выгода. Их дом хотят признать аварийным, чтобы освободить землю под застройку — и ради этого не гнушаются ни поддельными экспертизами, ни саботажем, ни попыткой обесточить здание. Но жильцы не сдаются. Шаг за шагом, факт за фактом они учатся видеть ложь, собирать доказательства и защищать свой дом. А потом понимают: победа — не в том, чтобы отстоять только свои стены, а в том, чтобы научить соседей не верить на слово и вовремя замечать неладное. Это история о смелости без пафоса, о силе команды и о том, как правда, подкреплённая цифрами и документами, оказывается крепче любых схем. И о кактусе, который, кажется, всё видит. Для тех, кто верит: вместе можно отстоять не только дом, но и право жить спокойно.»

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Кактус.	6
Глава 2. Место преступления и колючие улики	8
Глава 3. Допрос с пристрастием и без кофеина	10
Глава 4. Кот, газеты и тайна ящика 42	13
Глава 5. Шкаф с секретами и тень в коридоре	16
Глава 6. Цифровые следы и имя, которое не должно было там быть	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена К.
Кактус, который слишком много знал.

Глава

Глава 1. Кактус.

Утро в отделе было таким же бодрым, как остывший кофе в кружке майора Елены Семёновой. На столе высилась гора папок, и каждая будто шептала: «Я срочная. Я важнее всех». Сверху, как ироничная печать, лежала яркорозовая наклейка с надписью: «Срочно. Уже год». Елена вздохнула, поправила очки и потянулась к кофе. Он был не просто остывшим — он был уже в стадии «философского размышления о тщетности бытия».

— Семёнова! — рявкнул из коридора голос полковника. — К тебе делегация. И не вздумай сказать, что занята. Они уже полчаса плачут в приёмной.

Елена посмотрела на наклейку, потом на кружку, потом снова на наклейку. «Ладно, — подумала она. — Пусть будет не кофе, а мотивация».

В кабинет вплыла делегация из трёх человек: управляющая ЖК «Изумрудный берег» Лариса Викторовна — в костюме цвета «строгий бизнес», но с брошью в виде улыбающегося авокадо (Елена сразу поняла: женщина с характером), охранник дядя Витя — в форме, которая явно помнила лучшие времена, и молодой парень в худи с принтом «Я не ленивый, я в энергосберегающем режиме», представившийся администратором Артёмом.

— У нас чрезвычайная ситуация, — заявила Лариса Викторовна, расправляя плечи так, будто собиралась объявить войну всему району. — Пропал кактус.

Елена моргнула. Потом ещё раз.

— Простите, что?

— Кактус, — повторил дядя Витя, шмыгнув носом. — Тот самый. Из холла.

— Тот самый, — подхватила Лариса Викторовна, понизив голос до трагического шёпота, — который подарил спонсор. Господин Зубов. Генеральный директор «СтройИнвестГрупп». Он лично выбирал его в цветочном магазине. Он говорил: «Этот кактус — символ нашего партнёрства».

Елена медленно поставила кружку. Кофе решил воспользоваться моментом и окончательно сдался.

— То есть, — уточнила она, — вы пришли в полицию, потому что пропал кактус?

— Не просто кактус, — возразила Лариса Викторовна. — Это кактуссимвол. Если господин Зубов узнает, что его символ исчез, он может расторгнуть контракт. А контракт — это благоустройство двора, детская площадка и, между прочим, ремонт лифтов.

Дядя Витя кивнул, подтверждая всю серьёзность ситуации. Артём молча смотрел в телефон, будто надеялся, что проблема исчезнет сама собой, если не поднимать глаз.

— И когда он пропал? — спросила Елена, уже понимая, что день будет нескучным.

— Вчера вечером, — ответил дядя Витя. — Я обход делал, всё было на месте. А утром — пусто. Горшок стоит, а кактуса нет. Будто его кто-то... вынул.

— Вынул, — повторила Елена. — Как конфету из коробки.

Лариса Викторовна нервно поправила брошьавокадо. Казалось, даже он стал выглядеть встревоженным.

— Мы проверили камеры, — сказал Артём, наконец оторвавшись от телефона. — Там... ну, не очень понятно.

Он протянул флешку. Елена вставила её в компьютер. На экране мелькали кадры: холл, люди, пакеты, коляски, кто-то споткнулся о коврик, кто-то долго искал что-то в сумке. И вот — крупный план на кактус. Он стоит, гордый и колючий. Потом кадр дёргается, появляется чья-то рука — и кактус исчезает. Камера будто специально моргнула в самый важный момент.

— Это всё? — спросила Елена.

— Всё, — вздохнул Артём. — Дальше только пустой горшок.

Елена откинулась на спинку стула и посмотрела на своих гостей. Лариса Викторовна выглядела так, будто готова была сама броситься на поиски кактуса, вооружившись только брошью. Дядя Витя теребил пуговицу на форме, явно переживая за свою репутацию охранника. Артём снова уткнулся в телефон, но теперь уже с видом человека, который ищет в интернете «как объяснить начальству, что кактус украл».

— Хорошо, — сказала Елена, доставая блокнот. — Будем считать это делом государственной важности. Начнём с опроса свидетелей. Кто последним видел кактус в добром здравии?

Дядя Витя поднял руку, как школьник на уроке.

— Я. В девять вечера. Поправил ему землю, сказал: «Держись, брат, тут народ нервный». А он молчал. Теперь понимаю — предчувствовал.

Лариса Викторовна закатила глаза, но в них мелькнула искра уважения к такой заботе.

— Отлично, — кивнула Елена. — Значит, между девятью вечера и семью утра кто-то проник в холл, аккуратно извлёк кактус из горшка и унёс его. Вопрос: зачем?

Артём пожал плечами.

— Может, коллекционер? — предположил он. — Есть же люди, которые собирают редкие кактусы.

— Или кто-то хотел сделать из него смузи, — буркнула Елена, но тут же поймала на себе три шокированных взгляда. — Шучу. Хотя в моей практике бывало и не такое. Один гражданин пытался продать на рынке конфискованный огнетушитель, уверяя, что это «редкий винтажный светильник».

Лариса Викторовна вздохнула.

— Главное, чтобы господин Зубов не узнал. Он очень трепетно относится к символам. В прошлом году он отказался подписывать договор, потому что на презентации подали чай в кружках без логотипа. Сказал, что это неуважение к партнёрству.

Елена сделала пометку в блокноте: «Проверить всех, кто недолюбливает символы». Потом подумала и добавила: «И всех, кто любит кактусы».

— Ладно, — сказала она, вставая. — Я возьму это дело. Но с одним условием: если выяснится, что кактус сам ушёл искать лучшей жизни, я снимаю с себя всякую ответственность.

Дядя Витя хмыкнул.

— Да он тут корни пустил, — проворчал он. — Этот кактус был тут дольше, чем я работаю. Он знал всех жильцов по именам. И, кажется, не одобрял доставку пиццы после десяти.

Лариса Викторовна посмотрела на Елену с надеждой, в которой читалось: «Спасите наш двор и мою карьеру».

— Спасибо, майор, — тихо сказала она. — Для нас это не просто растение. Это... будущее.

Елена кивнула, стараясь не думать о том, сколько других «будущих» лежит у неё в папках. Но что-то внутри щёлкнуло — то самое чувство, когда дело кажется абсурдным, но именно поэтому хочется его раскрыть. Может, потому что абсурд — это зеркало, в котором люди показывают своё истинное лицо.

Она взяла флешку, блокнот и кружку (теперь уже просто как талисман) и направилась к двери.

— Поехали, — бросила она через плечо. — Сначала осмотрим место преступления. Потом поговорим с жильцами. И кто знает — может, этот кактус оставил нам какую-нибудь подсказку.

Глава 2. Место преступления и колючие улики

Холл «Изумрудного берега» пах смесью дорогого освежителя «Альпийский бриз» и вечного напряжения элитного дома. Елена остановилась у пустого места на тумбе — там, где ещё вчера стоял тот самый кактус. Теперь на полированной поверхности темнело влажное кольцо: след, который растение оставило за месяцы жизни. Будто само пространство помнило его и не хотело отпускать.

Дядя Витя шёл следом, тяжело вздыхая, будто каждое движение причиняло ему моральную боль.

— Тут всё было, — бормотал он, указывая на пустой горшок. — Земля ровная, я сам утрамбовал. Даже зубочисткой прорыхлил, чтобы дышать легче было. А теперь... пустота.

Елена присела на корточки и внимательно осмотрела горшок. Керамика была тяжёлой, с рельефным узором — явно не из супермаркета. На внутренней стенке виднелась царапина, будто кто-то неаккуратно соскрёб этикетку.

— Кто покупал этот горшок? — спросила она, не поднимая головы.

Лариса Викторовна нервно дёрнула плечом.

— Кажется, сам господин Зубов. Он хотел, чтобы всё было «в едином стиле». Даже растения.

— Даже растения, — повторила Елена, доставая из сумки перчатки и маленький фонарик. Луч скользнул по дну горшка, выхватывая из темноты несколько сухих иголок и... кусочек бумаги. Она аккуратно подцепила его пинцетом. На клочке было что-то написано от руки, но чернила размазались от влаги.

— Что там? — выдохнула Лариса Викторовна, наклоняясь так низко, что Елена почувствовала аромат её духов — терпкий, с нотками бергамота и паники.

— Пока ничего не разобрать, — призналась Елена. — Но это улика. Пусть эксперты скажут, что там было.

Артём, который всё это время стоял в стороне, уткнувшись в телефон, вдруг встрепенулся.

— А может, это записка? — предположил он. — Типа «Я забираю кактус, потому что он мне нужен»?

Елена посмотрела на него с лёгкой иронией.

— Обычно похитители не оставляют записки в горшке. Чаще они вообще стараются не оставлять следов. Но спасибо за свежий взгляд.

Дядя Витя фыркнул.

— Да какой там свежий... У нас тут половина жильцов записки на доске объявлений вешает: «Кто взял мою коляску?», «Верните коврик, он любимый!». А тут кактус — и тишина.

Елена выпрямилась и огляделась. Камеры висели над входом, над лифтами и в углу у почтовых ящиков. Но между ними были слепые зоны — как раз там, где стоял кактус.

— Значит, так, — сказала она, доставая блокнот. — Дядя Витя, мне нужен список всех, кто заходил в холл вчера вечером. Особенно тех, кто задерживался. Лариса Викторовна, подготовьте список жильцов, у которых были конфликты с управляющей компанией. И проверьте, не было ли жалоб на кактус — вдруг кому-то он мешал.

Лариса Викторовна побледнела.

— Жалоб на кактус?

— Всякое бывает, — спокойно ответила Елена. — Один гражданин у меня в практике жаловался на уличный фонарь: говорил, что тот светит ему прямо в окно и «разрушает биополе». Так что кактус мог кого-то раздражать.

Артём поднял руку, как школьник.

— А можно я помогу? Ну, типа, буду вашим ассистентом? Я знаю всех жильцов по именам, у меня в телефоне чат дома есть...

Елена на секунду задумалась. Парень был явно не создан для оперативной работы, но знание местных сплетен могло пригодиться.

— Ладно, — кивнула она. — Будешь моим «источником инсайдов». Но без самостоятельности. Если увидишь что-то подозрительное — сразу ко мне, а не в чат дома писать.

Артём просиял.

— Договорились! Я даже ник себе поменяю на «Тайный агент Артём».

Дядя Витя закатил глаза.

— Только не вздумай в домофон шептать: «Приём, база, выхожу на связь». У нас и так жильцы нервные.

Елена улыбнулась уголком губ. В этом трио было что-то трогательное — они все по-своему переживали из-за пропажи колючего символа. И именно это делало дело не таким уж абсурдным.

Она подошла к камере над входом и внимательно изучила её. Объектив был чистым, но крепление слегка болталось.

— Давно эту камеру проверяли? — спросила она у дяди Вити.

Тот пожал плечами.

— Месяца два назад. Техник говорил, что надо подтянуть, да всё руки не доходили.

Елена кивнула. Это могло быть совпадением, а могло и нет. Кто-то мог специально ослабить крепление, чтобы камера «случайно» отвернулась в нужный момент. Или просто воспользоваться тем, что её давно не обслуживали.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, план такой: я еду в лабораторию с этим клочком бумаги, дядя Витя собирает список посетителей, Лариса Викторовна — жалобы и конфликты, Артём... ну, пусть мониторит чат на предмет странных сообщений о кактусах.

Все закивали, будто наконец-то почувствовали, что ситуация под контролем.

— И ещё, — добавила Елена уже у дверей. — Если вдруг кто-то предложит купить новый кактус и поставить его на место — не делайте этого. Это уже будет не улика, а подделка.

Лариса Викторовна схватилась за брошь-авокадо, словно за талисман.

— Обещаю! Ни одного нового растения без вашего разрешения!

Елена вышла на улицу, где воздух был прохладнее и как-то честнее, чем в холле. Она посмотрела на небо — серое, с редкими просветами, будто кто-то пытался прорезать в нём дыры, но не очень старался. В сумке лежал маленький пакетик с уликой, а в голове — мысль, которая не давала покоя: зачем кому-то красть кактус? Если это не коллекционер и не враг символов, то что?

И тут её осенило. А что, если кактус был не целью, а прикрытием? Что, если кто-то использовал его исчезновение как отвлекающий манёвр?

Она достала телефон и набрала номер своего коллеги из отдела технических экспертиз.

— Привет, это Семёнова. У меня тут дело... ну, скажем так, нестандартное. Мне нужно срочно проверить одну улику и заодно глянуть записи с камер — есть подозрение, что кто-то специально создавал слепую зону. Да, и ещё... узнай, есть ли в городе клубы любителей кактусов. Вдруг наш похититель — фанат колючек.

На том конце провода раздался смешок.

— Опять ты с чем-то необычным. Ладно, посмотрю, что можно сделать. Но если окажется, что кактус украли ради рецепта варенья — я даже удивляться не буду.

Елена усмехнулась и убрала телефон. День только начинался, а дело уже обрастало слоями — как луковица, только колючая. И где-то в глубине этого абсурда пряталась настоящая история. Осталось только до неё добраться.

Глава 3. Допрос с пристрастием и без кофеина

Лаборатория встретила Елену привычным запахом спирта, пластика и чужой ответственности. Эксперт Игорь, человек с лицом вечного скептика и руками, которые будто знали о вещественных доказательствах больше, чем сами владельцы, покосился на прозрачный пакетик с клочком бумаги.

— Семёнова, ты меня пугаешь. В прошлый раз это был чек из пекарни с отпечатками пальцев. Теперь — мокрый обрывок из горшка. Ты специально ищешь улики, которые хотят раствориться?

Елена вздохнула и поставила на стол ещё одну кружку — пустую. Игорь молча налил туда кофе из термоса.

— Спасибо, — сказала она. — Ты читаешь мысли. Или просто знаешь, что без кофе я начинаю подозревать даже почтовые ящики.

Игорь хмыкнул, надел перчатки и поднёс пакетик под лампу с увеличением.

— Тут что-то было написано, — пробормотал он. — Но вода сделала своё дело. Остался только контур букв. Похоже на «не...» или «нет...». Или «нер...». В общем, слово, которое начинается с «не» и заканчивается разочарованием.

— Отлично, — буркнула Елена. — У нас есть улика, которая выражает общее настроение отдела.

— Не спеши хоронить, — Игорь поправил очки. — Я попробую проявить остатки чернил. Может, вылезет что-то вменяемое. И ещё... — он постучал ногтем по стенке горшка. — Тут царапина. Не от этикетки. Это кто-то соскабливал наклейку. Причём не аккуратно, а будто в спешке. Будто хотел стереть следы.

Елена прищурилась.

— То есть горшок — не просто горшок. Его готовили.

— Или, наоборот, — возразил Игорь. — Кто-то пытался его обезличить. Чтобы нельзя было отследить, откуда он.

Она сделала пометку в блокноте: «Горшок — улика. Кто покупал? Кто доставлял? Кто ставил?»

— Ещё кое-что, — добавил Игорь, наклоняясь ближе. — На дне горшка микрочастицы. Не земля. Похоже на волокна ткани. Тёмные. Хлопок или смесовка.

— Значит, кто-то держал его в перчатках... или в рукаве, — задумчиво сказала Елена. — Чтобы не оставлять отпечатков.

— Либо просто неаккуратно поставил, — пожал плечами Игорь. — Но если хочешь версию про продуманное похищение — она тут есть.

Елена допила кофе и почувствовала, как мозг, до этого дремавший в режиме «выживание», перешёл в режим «расследование».

— Спасибо, — сказала она, забирая пакетик обратно. — Ты, как всегда, делаешь из хаоса систему.

— Это моя суперсила, — сухо ответил Игорь. — Превращать мусор в улики. Вернувшись в «Изумрудный берег», Елена застала в холле оживление. Артём стоял у доски объявлений, расклеивал распечатанные фото кактуса с подписью «Видели? Сообщите!» и при этом умудрялся одновременно смотреть в телефон и вздрагивать от каждого шороха.

— Я создал опрос в чате дома, — выпалил он, едва завидев Елену. — Вопрос: «Кто видел кактус вчера вечером?» Уже 47 ответов. В основном «нет», но один человек написал: «А он пропал? Я думал, его пересадили».

Елена сдержала улыбку.

— Хорошо. А где Лариса Викторовна и дядя Витя?

— Лариса Викторовна в бухгалтерии — пытается отсрочить отчёт для спонсора, чтобы господин Зубов не узнал про кактус. А дядя Витя... он пошёл проверять камеры на этажах. Говорит, что на первом этаже все слепые зоны, а на втором может быть что-то полезное.

Елена кивнула. Логично. Если кто-то вынес кактус, он наверняка поднимался или спускался по лестнице или ехал на лифте.

В этот момент из лифта вышла женщина лет пятидесяти в пальто цвета «осенний туман» и с сумкой, которая, казалось, вмещала в себя целую вселенную. Она остановилась, посмотрела на пустой постамент, потом на Артёма с его объявлениями, потом на Елену — и всё это с выражением лица, которое можно было описать как «я знала, что этим кончится».

— Вы из полиции? — спросила она, не дожидаясь ответа. — Я так и знала. Это всё из-за ящика 42.

Елена внутренне подобралась. «Я знаю этот тип свидетелей, — подумала она. — Те, кто знает всё и готовы рассказать даже то, чего не было».

— Простите, а что с ящиком 42? — спокойно уточнила она.

Женщина фыркнула, будто вопрос был оскорбительным.

— А то, что его вскрыли. Вчера вечером. Я сама видела. Мужчина в тёмной куртке, капюшон надвинут, лицо не разглядеть. Он что-то положил внутрь... или достал. А потом пошёл к выходу. И как раз в тот момент свет на камере мигнул. Как нарочно.

Артём замер с половиной объявления в руке.

— Мигнул? — переспросил он. — А я думал, это просто техника барахлит.

— Техника не мигает просто так, — отрезала женщина. — Особенно когда рядом кто-то в капюшоне.

Елена достала блокнот.

— Вы можете описать мужчину подробнее? Рост, походка, что-то запоминающееся?

Женщина задумалась, нахмутив брови.

— Ну, не высокий и не низкий. Обычный. Куртка тёмная, джинсы. На руке... вроде часы. Или браслет. Тонкий. И он шёл быстро, но не бежал. Как будто знал, куда идёт.

— А ящик 42 — это чей? — уточнила Елена.

— Пенсионера Смирнова, — ответила женщина. — Он редко забирает почту, говорит, что ему пишут только рекламу и угрозы. Но вчера он как раз собирался зайти... и не застал.

Елена посмотрела на почтовый блок. Ящики были пронумерованы. 42 стоял чуть в стороне, с едва заметной царапиной на дверце.

— Дядя Витя! — крикнула она в сторону коридора, где слышалось ворчание и скрип.

Через минуту появился дядя Витя, держа в руках флешку и выглядевший так, будто он только что победил в неравной борьбе с техникой.

— Нашёл! — выдохнул он. — На втором этаже камера захватывает лестницу и часть коридора. Там видно, как кто-то спускается. Лицо не разобрать, но куртка — тёмная. И на руке что-то блестит. Часы или браслет.

Елена переглянулась с женщиной в пальто.

— Похоже, у нас совпадение, — сказала она. — Вы не против проехать в отделение и дать официальные показания? Это очень поможет.

Женщина гордо выпрямилась.

— Ради справедливости я готова на всё. Даже на протокол.

Артём наконец приклеил последнее объявление и выдохнул.

— Получается, кактус — это просто ширма? — тихо спросил он у Елены. — А на самом деле кто-то что-то делал с почтовым ящиком?

Елена медленно кивнула.

— Похоже на то. Кактус стоял как раз между камерой и ящиком. Его пропажа создала идеальную слепую зону. А если кто-то хотел что-то подбросить или забрать из ящика — лучшего отвлекающего манёвра не придумать.

Дядя Витя почесал затылок.

— Вот оно что... А я всё думал, зачем кому-то колючка. А тут целая операция.

Лариса Викторовна, появившаяся из бухгалтерии с лицом человека, который только что отодвинул катастрофу на неделю, услышала последние слова и побледнела.

— Операция? — прошептала она. — В нашем доме?

— Пока это только версия, — спокойно сказала Елена. — Но она многое объясняет. Теперь нужно понять, что именно происходило с ящиком 42 и кому это было нужно.

Она посмотрела на пустой постамент, где ещё недавно стоял колючий символ партнёрства. Теперь он казался не просто растением, а частью хитроумного плана. И где-то в этой цепочке из ящиков, камер и мокрых записок пряталась настоящая причина преступления.

— Так, — скомандовала Елена, доставая телефон. — Дядя Витя, проверьте, цел ли пломба на ящике 42. Лариса Викторовна, узнайте, когда пенсионер Смирнов последний раз забирал почту. Артём, найдите в чате дома всё, что связано с ящиком 42 или с подозрительными незнакомцами. А я пока съезжу к Смирнову. Если он что-то видел — это наш главный свидетель.

Все закивали, расходясь по задачам. Елена вышла на улицу, где ветер уже гнал по асфальту сухие листья и чьи-то забытые чеки. В голове складывалась картина: кто-то спланировал исчезновение кактуса, чтобы получить доступ к ящику. Но зачем? Письмо? Документ? Ключ?

Она набрала номер Смирнова. Трубку взяли не сразу.

— Алло? — раздался в динамике хриловатый голос. — Кто это?

— Майор Семёнова, полиция. Мне нужно с вами поговорить. Речь идёт о вашем почтовом ящике.

На том конце провода повисла пауза. Потом Смирнов тяжело вздохнул.

— Опять? — спросил он. — Ну, заходите. Только не удивляйтесь, если на пороге будет кот. Он сегодня в плохом настроении.

Елена улыбнулась. В этом деле даже коты, похоже, были в курсе происходящего.

Глава 4. Кот, газеты и тайна ящика 42

Квартира пенсионера Смирнова пахла старой бумагой, чаем с чабрецом и тем особым спокойствием, которое бывает только у людей, давно переставших ждать от мира сюрпризов. Елена едва успела нажать звонок, как дверь приоткрылась, и на неё уставился кот — крупный, пепельный, с выражением лица «я тут главный, и ты мне не нравишься».

— Не стой, заходи, — проворчал Смирнов из глубины коридора. — А то он сейчас начнёт демонстративно падать с полки — у него это вместо приветствия.

Елена шагнула внутрь, аккуратно прикрыв за собой дверь. В прихожей на вешалке висело пальто, на котором, казалось, можно было изучать историю моды последних тридцати лет. На тумбочке громоздилась стопка газет — пожелтевших, сложенных по датам, будто архив маленькой вселенной.

Кот, убедившись, что внимание переключилось, с достоинством удалился на кухню, оставив за собой шлейф молчаливого неодобрения.

— Садись, — кивнул Смирнов на стул, обитый тканью в мелкий цветочек. — Чай будешь? У меня свежий, с чабрецом. Или тебе по уставу нельзя?

— Спасибо, не сейчас, — улыбнулась Елена. — Мне бы про ящик поговорить. Почтовый. Номер 42.

Смирнов тяжело опустился в кресло, скрипнув пружинами, и посмотрел на неё с той смесью усталости и любопытства, которая появляется у людей, когда они понимают: их тихая жизнь вдруг стала чьей-то загадкой.

— Так я и знал, — пробормотал он. — Вчера вечером что-то было не так. Я собирался спуститься за почтой, а потом... ну, кот уронил миску. Потом зазвонил телефон — бывшая соседка, всё про внука рассказывала. Потом я чайник поставил... В общем, отвлекся. А когда спустился — уже поздно было. Лифт застрял между этажами, потом свет мигнул... В общем, вернулся ни с чем.

Елена достала блокнот.

— А до этого вы замечали что-нибудь странное у ящика? Кто-то крутился рядом? Может, незнакомец?

Смирнов почесал подбородок.

— Да кто там крутится... У нас в доме каждый второй — либо курьер, либо с самокатом, либо с таким лицом, будто весь мир ему должен. Но вчера... — он задумался, нахмутив брови. — Был один. В тёмной куртке. Я его мельком видел, когда из лифта выходил. Он стоял у ящиков, но не к своему. Наклонился, будто что-то подбрасывал... или доставал. А потом быстро ушёл. Я ещё подумал: «Вот молодёжь, вечно торопятся». А теперь думаю — зря не обратил внимания.

— Вы бы его узнали, если бы увидели снова? — спросила Елена.

— Лицо не разглядел — капюшон надвинут. Но куртка... Тёмносиняя, почти чёрная, с красной строчкой на рукаве. И на руке браслет. Тонкий, металлический. Блестел, когда он рукой махнул.

Елена сделала пометку: «Красная строчка. Браслет». Это уже не просто «мужчина в тёмном». Это деталь, за которую можно ухватиться.

— А что обычно приходит в ваш ящик? — осторожно спросила она. — Письма, квитанции?

Смирнов хмыкнул.

— В основном спам. И письма от банка, которые я не читаю. Да ещё раз в месяц приходит бюллетень от какой-то общественной организации — я их не подписывал, но они упорно шлют.

«За сохранение культурного наследия», что ли... Я их складываю, думал, на растопку пойдут, да рука не поднимается.

Он махнул в сторону газетной стопки.

— Вот и вся моя почта. Ничего ценного.

Но Елена уже чувствовала: ценное тут не в содержимом, а в доступе. Если кто-то хотел что-то положить или забрать — ящик 42 был идеальным вариантом. Тихий пенсионер, редко проверяет почту, никто не следит.

— Скажите, — продолжила она, — а вы не замечали, чтобы кто-то интересовался именно вашим ящиком? Может, спрашивали, когда вы забираете почту? Или предлагали помочь?

Смирнов на секунду задумался, потом его лицо вдруг прояснилось.

— Был один случай... Недели две назад. Молодой парень, вежливый такой, в очках. Сказал, что из службы доставки, мол, у них ошибка в базе, не могут найти, кому вручить посылку. Спросил, не я ли живу в 42й квартире. Я сказал, что да, но посылку не жду. Он записал что-то в блокноте, поблагодарил и ушёл. Тогда я не придал значения. А теперь...

Елена напряглась.

— Опишите его.

— Лет двадцать пять, может, чуть больше. Очки в тонкой оправе. Куртка обычная, не приметная. Но вот что странно — он всё время смотрел не на меня, а на ящик. Как будто сверял номер.

«Ещё одна зацепка», — отметила Елена. Теперь у неё было два человека: один в тёмной куртке с браслетом, другой — «курьер» в очках, который слишком пристально разглядывал ящик.

— Спасибо, — сказала она, убирая блокнот. — Вы очень помогли. Если вспомните ещё что-то — вот моя визитка. Даже если покажется мелочью. В нашем деле мелочи иногда кричат громче всего.

Смирнов кивнул, глядя на неё уже не как на формальность, а как на человека, который всерьёз относится к его словам.

— Ладно, — вздохнул он. — Если кот опять что-нибудь уронит, и я подумаю, что это знак — позвоню.

На пороге Елена обернулась. Кот сидел на спинке дивана и смотрел на неё так, будто знал все тайны дома и не собирался делиться ни одной.

Спустившись вниз, Елена набрала Артёма.

— Артём, слушай внимательно. Мне нужно всё, что есть про жильца из 42й квартиры — Смирнова. И про любого, кто интересовался его ящиком. Особенно про парня в очках, который представлялся курьером. И ещё — поищи в чате, не жаловался ли кто-то на перебои со светом или на камеры вчера вечером.

Артём, судя по дыханию в трубке, уже был в боевом режиме.

— Уже копаю! — прошептал он. — В чате как раз кто-то писал про мигающий свет. И... погоди, я тут вижу фото — кто-то выложил снимок куртки с красной строчкой. Говорит, видел такого у подъезда.

Елена почувствовала, как внутри щёлкнуло — первая реальная ниточка.

— Скинь мне фото. И скажи, кто выложил.

Через минуту на телефон пришло изображение: тёмносиняя куртка, и правда с яркой красной строчкой на рукаве. Автор поста — жительница 17й квартиры, которая как раз выходила гулять с собакой.

Елена тут же позвонила дяде Вите.

— Дядя Витя, у нас есть фото куртки. С красной строчкой. Проверь записи со всех камер — особенно вход и выход. И скажи, есть ли у нас данные по посетителям за последние две недели — кто приходил под видом курьеров, мастеров и так далее.

Дядя Витя вздохнул, но в голосе слышалась решимость.

— Сделаю. У меня тут папка «Подозрительные визиты» — я её в шутку завёл, а теперь, похоже, пригодится.

Лариса Викторовна, увидев Елену в холле, бросилась к ней с папкой в руках.

— Я всё проверила! — выпалила она. — Пломба на ящике 42 цела. Но... есть нюанс. Вчера вечером техник из обслуживающей компании менял лампочку в коридоре. Он расписался в журнале, но... я не уверена, что он действительно менял. Потому что лампочка до сих пор мигает.

Елена прищурилась.

— Техник? Фамилия?

— Петров. Или Перов... В журнале неразборчиво. Но у него была форма с логотипом компании, так что я не сомневалась.

— Дайте журнал, — спокойно сказала Елена. — И список всех сотрудников, которые имели доступ к ключам от технических помещений и шкафов с оборудованием камер.

Лариса побледнела, но протянула папку.

— Получается... это не просто кактус? — тихо спросила она.

— Это никогда не было просто кактусом, — ответила Елена, листая страницы. — Это была дыра в системе безопасности. И кто-то ею воспользовался.

Она остановилась на одной записи. Фамилия — Перов. Дата — вчера. Время — 20:15. Рядом — неразборчивая подпись. И в графе «Выполненные работы» — «Замена лампы в коридоре 2го этажа».

Елена сфотографировала страницу и отправила Игорю в лабораторию.

— Найди всё, что можешь, по этому человеку, — написала она в сообщении. — Особенно — есть ли у него куртка с красной строчкой и металлический браслет.

Ответ пришёл почти сразу: «Уже ищу. И кстати — я коечто вытащил с того клочка бумаги. Там было: Не трогать... Дальше вода съела, но начало фразы есть».

Елена перечитала сообщение. «Не трогать...» Кого? Что? Ящик? Документы? Или сам кактус — как часть плана?

В этот момент к ней подбежал Артём, размахивая телефоном.

— Нашёл! — выдохнул он. — Парень в очках — это стажёр из управляющей компании. Его брали на две недели, чтобы помогал с заявками. И он как раз отвечал за учёт посетителей. То есть у него был доступ ко всем данным. И... он уволился вчера утром. Без объяснений.

Елена закрыла глаза на секунду, собирая пазл. Стажёр собирал данные. Техник создавал перебои. Мужчина в куртке с красной строчкой действовал на месте. А кактус был ширмой.

— Лариса Викторовна, — повернулась она к управляющей. — Срочно подготовьте список всех документов, которые хранились в электронном и бумажном виде и касались контрактов с «СтройИнвестГрупп». Особенно — любые соглашения, акты, протоколы разногласий.

Лариса схватила за голову.

— Но это же сотни страниц!

— Начните с последних трёх месяцев, — твёрдо сказала Елена. — Кто-то хотел получить доступ к информации. И, возможно, уже получил.

Холл снова наполнился суетой: дядя Витя бежал к серверной, Артём строчил сообщения в чат, Лариса листала папки, а Елена стояла посреди этого вихря и смотрела на пустой постамент. Кактус больше не казался ей нелепой деталью. Он был первым звеном в цепи, которую кто-то очень старательно выстраивал.

И теперь задача была не просто найти колючее растение. Задача была — понять, что за ним пряталось. И успеть, пока эта тайна не разрушила не только контракт, но и чью-то жизнь.

Глава 5. Шкаф с секретами и тень в коридоре

Шкаф с оборудованием стоял в тесном техническом закутке между лифтами — серый, тяжёлый, с облупившейся краской и замком, который будто знал слишком много чужих тайн. Елена смотрела на него, как на сейф, код к которому кто-то уже успел подобрать.

— Тут у нас всё, — бормотал дядя Витя, протирая тряпкой ручку, будто стыдясь, что не уследил. — Камеры, питание, резервные линии... И ключи от этого шкафа есть только у меня, у Ларисы Викторовны и у главного инженера. Ну, и ещё у техников по заявке.

Елена кивнула, не сводя глаз с замка. На металле виднелись свежие царапины — не аккумуляторные следы ключа, а именно надпилы, будто кто-то пытался открыть его чем-то неподходящим.

— А этот «техник» Перов, — уточнила она, — у него была заявка на доступ?

Дядя Витя нахмурился, листая свой потрёпанный журнал.

— Заявка есть... Но вот подпись моя тут не моя. Я бы такого не подписал. Тут почерк... слишком ровный. Как будто специально выводили.

Елена достала перчатки и аккуратно подцепила край металлической накладки. Под ней на корпусе шкафа тоже были отметины — мелкие, но характерные: кто-то ковырял отвёрткой, пытаясь добраться до механизма.

— Значит, Перов либо имел доступ, либо сделал вид, что имеет, — пробормотала она. — И пока все думали про кактус, он спокойно работал с системой.

В этот момент из-за угла выскочил Артём, запыхавшийся, с телефоном, зажатым в руке, как спасательный круг.

— Я нашёл! — выдохнул он. — В чате дома кто-то выложил видео — короткое, секунд на десять. Там видно, как человек в тёмной куртке заходит в этот коридор. И на руке у него... браслет. Тонкий, металлический. Тот самый.

Он протянул телефон. Елена посмотрела на кадр: фигура в капюшоне, быстрый шаг, рука с браслетом мелькает в свете лампы. Куртка — тёмносиняя, и на рукаве отчётливо видна красная строчка.

— Это он, — тихо сказала она. — Тот, кого видела соседка. Тот, кто был у ящика.

Дядя Витя склонился над экраном, прищурившись.

— Да... — протянул он. — Походка знакомая. Будто знает, где камеры слепые зоны. Как свой тут.

Елена сохранила кадр и отправила Игорю с пометкой: «Срочно — анализ, есть ли совпадения по базе». Потом повернулась к дяде Вите.

— Нужно проверить записи с камер за последние две недели. Особенно — кто подходил к этому шкафу, кто задерживался у ящиков, кто интересовался доступом. И ещё — список всех временных сотрудников УК за этот месяц. Если стажёр уволился вчера утром, возможно, он не один.

Дядя Витя кивнул и исчез в камерке охраны, откуда тут же донеслись звуки клавиатуры и тяжёлое сопение — он входил в систему.

Артём переминался с ноги на ногу.

— А можно я... ну, посижу рядом? — осторожно спросил он. — Я быстро учусь. И у меня глаз наметанный — я в играх всегда по пикселям врагов находил.

Елена чуть улыбнулась.

— Ладно. Но никаких «я сам всё взломаю». Просто помогай смотреть. И если увидишь что-то странное — сразу говори.

Пока они разбирались с записями, к ним подошла Лариса Викторовна. В руках у неё была папка, которую она прижимала к груди, как щит.

— Вот, — сказала она, протягивая её Елене. — Список документов, которые касались контракта с «СтройИнвестГрупп». И... ещё коечто. Я нашла в архиве заявление от жильца из 18й квартиры. Он жаловался, что кто-то вскрывал его ящик. Тогда мы списали на хулиганов. Но теперь...

Елена взяла папку и быстро пролистала. В глаза бросилась одна строчка: «Акт разногласий по смете благоустройства». Дата — три дня назад. Подпись — господин Зубов. И пометка: «Требуется уточнение, иначе контракт приостанавливается».

— Вот оно, — прошептала Елена. — Кто-то хотел получить доступ к этим документам. Или подменить их. А кактус и перебои с камерами были прикрытием.

Лариса Викторовна побледнела.

— Но зачем? Кому это нужно?

— Тому, кому невыгоден этот контракт, — спокойно ответила Елена. — Или тому, кто хочет его переиграть. Может, кто-то из подрядчиков, которым не достался тендер. Или... — она на секунду задумалась, — кто-то внутри самой УК. Кто знал про шкаф, про камеры, про ящики. Кто мог всё это спланировать.

Лариса покачала головой.

— Нет... У нас все проверенные. Мы же не первый год работаем.

— Проверенные не значит безупречные, — мягко сказала Елена. — Иногда именно те, кто знает систему изнутри, могут её сломать.

В каморке дядя Витя вдруг громко выругался — не зло, а с досадой человека, который наконец-то увидел то, чего не хотел видеть.

— Ну вот, — проворчал он, выглядывая в коридор. — Смотрите.

На мониторе мелькали кадры: стажёр в очках (тот самый, про которого говорил Артём) спокойно идёт по коридору, заглядывает в шкаф, что-то записывает. Потом — Перов в форме техника, открывает шкаф своим ключом (или тем, что у него был), копается внутри. А потом — фигура в тёмной куртке с красной строчкой: она появляется у ящиков, делает быстрое движение у ящика 42, затем уходит. И самое главное — все трое в разное время, но как будто по одному сценарию.

— Они работали в связке, — тихо сказала Елена. — Стажёр собирал данные, техник создавал сбой, исполнитель забирал или подбрасывал что-то в ящик. А кактус был отвлекающим манёвром.

Артём смотрел на экран, приоткрыв рот.

— Получается, это целая операция... — прошептал он. — Прямо как в кино. Только тут всё по-настоящему.

Дядя Витя хмыкнул.

— В жизни всегда по-настоящему, сынок. Просто мы не замечаем, пока не станет поздно.

Елена достала телефон и набрала Игоря.

— Слушай, мне нужно срочно, — сказала она, когда он взял трубку. — У нас есть кадры с тремя подозреваемыми: стажёр, техник Перов и мужчина в куртке с красной строчкой. Проверь их по базам, особенно связи между ними. И ещё — посмотри, есть ли у кого-то из них доступ к внутренней почте УК или к облачному хранилищу документов. Если кто-то подменил акт разногласий — следы должны быть там.

Игорь вздохнул, но в голосе слышался азарт.

— Уже копаю. И кстати... — он сделал паузу. — Тот клочок из горшка. Я восстановил ещё пару букв. Там было: «Не трогать ящик 42». Дальше вода съела, но начало фразы теперь ясно.

Елена замерла.

— «Не трогать ящик 42» ... — повторила она. — Значит, кто-то знал, что там что-то важное. И пытался это защитить. Или, наоборот, предупредить, чтобы не трогали, потому что там уже что-то подброшено.

Она посмотрела на пустой постамент, где всё ещё темнело влажное кольцо от кактуса. Теперь оно казалось ей не следом растения, а отпечатком чьего-то плана — аккуратного, продуманного и очень опасного.

— Так, — скомандовала она. — Дядя Витя, распечатай кадры с этими тремя. Артём, разошли их в чат дома с пометкой «Видели этих людей? Сообщите». Лариса Викторовна, подготовь официальный запрос в службу безопасности «СтройИнвестГрупп» — нам нужно понять, кто ещё мог быть заинтересован в срыве контракта. И... — она сделала паузу, — найдите мне кактус. Где бы он ни был. Он тоже улика.

Все закивали, расходясь по задачам. Елена осталась стоять у шкафа, чувствуя, как пазл постепенно складывается. Теперь это было не просто «пропажа растения». Это была попытка подмены документов, которая могла стоить людям работы, денег и репутации. И кто-то очень старался, чтобы никто этого не заметил.

Но Елена замечала. Она замечала всё: царапины на металле, слишком ровные подписи, быстрые шаги в коридоре и даже то, как кот Смирнова смотрел на неё с молчаливым укором — будто знал, что дело серьёзнее, чем кажется.

И теперь она должна была дойти до конца. Не ради кактуса. Ради того, чтобы система, которую кто-то так старательно ломал, снова стала надёжной.

Глава 6. Цифровые следы и имя, которое не должно было там быть

Лаборатория Игоря пахла не спиртом и пластиком, как обычно, а напряжением — будто воздух здесь был гуще и заряженнее. На трёх мониторах бежали строки логов, графики активности и таймлайны событий, похожие на кардиограмму большого нервного организма. Игорь сидел перед экранами, как дирижёр перед оркестром, и тыкал в клавиши с сосредоточенностью человека, который знает: сейчас прозвучит нота, которая всё изменит.

Елена встала у него за плечом, стараясь не дышать слишком громко, чтобы не сбить этот хрупкий ритм поиска. В руке она всё ещё сжимала распечатку с кадрами: стажёр в очках, техник Перов, фигура в куртке с красной строчкой.

— Смотри, — тихо сказал Игорь, не поворачиваясь. — Я начал с облака УК. У них корпоративное хранилище, доступ по ролям. Есть администраторы, редакторы, читатели. И есть журнал событий — кто, когда, что открывал, менял, скачивал.

Он щёлкнул мышкой, и на центральном экране развернулась временная шкала. Красные точки отмечали входы, синие — скачивания, жёлтые — правки.

— Вот тут, — он ткнул в жёлтую вспышку, — три дня назад кто-то открыл «Акт разногласий по смете благоустройства». Тот самый, из-за которого контракт мог сорваться. Открывал дважды. Потом — правка. Небольшая, но критичная: в одном пункте сумма изменилась на 12 процентов.

Елена нахмурилась.

— Кто это сделал?

Игорь медленно повернул голову. Его взгляд был не торжествующим, а почти виноватым — как у врача, который нашёл то, что никто не хотел видеть.

— Имя, которое ты не ожидаешь, — сказал он. — Лариса Викторовна.

На секунду в комнате стало тихо. Даже мониторы будто перестали шуршать вентиляторами.

— Что? — переспросила Елена, чувствуя, как внутри всё сжалось. — Лариса? Но она сама пришла ко мне с этой папкой... Она сама показывала акт...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.